

С. Машинский

Гоголь в оценке русской критики [Белинский о Гоголе]

Белинский написал около двадцати статей и рецензий, специально посвященных Гоголю. К его имени, к его художественным образам он обращается почти в каждой своей статье. Гоголь был самым любимым писателем Белинского. «Вы у нас теперь *один*, — писал он Гоголю в 1842 году, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашей судьбою: не будь вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества».

Обобщая художественный опыт Пушкина, Лермонтова и прежде всего Гоголя, Белинский создал учение о критическом реализме, являющееся высшим достижением мировой эстетической мысли XIX века.

Белинский часто отмечал глубокую преемственную связь между Гоголем и Пушкиным. Но в Гоголе он видел следующий этап в историческом развитии русской литературы, художника, острее поставившего коренные вопросы действительности, «более поэта социального». Именно с Гоголем Белинский связывал торжество критического реализма в России. Булгарин, имея в виду унижить новую, гоголевскую школу, назвал ее «натуральной». Это определение было подхвачено и совершенно по-иному истолковано Белинским. Гоголь был, по мнению критика, «отцом», «главой и основателем» натуральной школы, из которой выросла плеяда великих русских писателей: Герцен, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Салтыков-Щедрин. Белинский стал глашатаем и вождем этой школы.

Натуральная школа закрепила исторически свойственные русской литературе традиции демократизма, углубила интерес к жизни и быту «простого» человека, привлекла внимание широкого круга писателей к изображению основных социальных противоречий России. Вот почему натуральная школа сразу же по своему возникновению подверглась ожесточенным атакам реакционной критики.

Для Белинского натуральная школа была не просто литературным течением, но крупным общественным явлением, возникновение которого было обусловлено глубоким кризисом русской крепостнической действительности.

Борьба Белинского за Гоголя и натуральную школу была борьбой за литературу больших и глубоких идей, за литературу, которая всесторонне отвечала бы на вопросы жизни и содействовала революционному преобразованию России.

Замечательная особенность Белинского состояла в том, что самые отвлеченные эстетические проблемы он органически связывал с задачами современной политической борьбы. В этом отношении его статьи о Гоголе являются одним из самых ярких примеров.

В 1840-е годы имена Белинского и Гоголя оказались в самом центре общественно-литературной борьбы. В полемике реакционной критики с натуральной школой обнаружилось отчетливое стремление доказать, что новое направление якобы не вызвано потребностями русской действительности и не имеет никаких исторических корней в русской литературе.

Подобную точку зрения яростно защищали, например, славянофилы, пытавшиеся вбить клин между Гоголем и писателями натуральной школы.

В 1840-е годы, в условиях крайне обострившейся идейной борьбы, славянофилы были особенно заинтересованы в том, чтобы привлечь на свою сторону Гоголя. Они всячески стремились парализовать влияние на него прогрессивных сил России, прежде всего — Белинского.

В славянофильской среде усиленно пытались создать иллюзию дружественных отношений с Гоголем. Его безудержно славословили, его опутывали паутиной приторной

лести. Но за всем этим скрывалось непонимание подлинного смысла и значения творчества Гоголя.

В воспоминаниях С.Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем» есть очень интересное признание автора: «Во всем круге моих старых товарищей и друзей, во всем круге моих знакомых я не встретил ни одного человека, кому бы нравился Гоголь и кто бы ценил его вполне». Аксаков имел в виду своих петербургских знакомых и друзей, но эти строки с немалым основанием могли бы быть адресованы ко многим московским «друзьям» Гоголя.

В 1840-е годы дом Аксаковых в Москве стал центром славянофилов. Сыновья писателя С.Т. Аксакова — Константин Сергеевич и несколько позднее Иван Сергеевич — оказались в числе главных деятелей этого реакционного течения. И хотя сам С.Т. Аксаков славянофилом не был, но иногда все же он испытывал на себе влияние определенных настроений, царивших в славянофильском кругу.

Славянофилы нередко жаловались на «неоткровенность» Гоголя. Но эта «неоткровенность» была формой самозащиты Гоголя от людей, не понимавших его и отдаленных от него пропастью разногласий во взглядах на жизнь и искусство. А эти разногласия были слишком велики. Произведения Гоголя отрицали крепостническую действительность, будили ненависть к ней. А славянофилы принимали эту действительность, были враждебны общественному пафосу гоголевского творчества, его критическому обличительному направлению. И Гоголь не мог этого не понимать.

В обстановке ожесточенной идейной борьбы, которая развернулась с начала 1840-х годов между славянофилами и прогрессивными силами общества, возглавляемыми Белинским, позиция Гоголя была сложной и противоречивой. Своими гениальными обличительными произведениями он служил делу Белинского, хотя и не разделял его страстных революционных убеждений. Связанный узами личных отношений с деятелями реакционного славянофильского лагеря, Гоголь был чужд их политическим убеждениям и долго сопротивлялся их попыткам использовать его имя в борьбе против Белинского.

Не соглашаясь ни со славянофилами, ни с Белинским, Гоголь пытался отстаивать некий третий путь, свободный от «крайностей», которые, по его мнению, свойственны обоим лагерям. Власть подобных иллюзий над писателем была очень сильной.

Гоголь жил подолгу за границей и был оторван от почвы народной жизни. Он стал свидетелем того, как во многих странах Западной Европы обострялись противоречия, угрожая революционным взрывом. Не понимая исторического смысла этих событий, он воспринимает их как угрозу всеобщего хаоса, торжества слепой, разрушительной стихии. В еще большее смятение приводили Гоголя сообщения из России. Нарастающая сила крестьянских восстаний, всеобщее обострение политической борьбы усиливают растерянность писателя, все больше пугают его. Опасения за будущее России внушают ему мысль о необходимости уберечь ее от противоречий капиталистической Европы, любой ценой преодолеть «человеческую путаницу», утихомирить разбушевавшиеся стихии и навести «порядок» в отношениях между помещиком и мужиком.

В эти годы Гоголь упорно работал над продолжением «Мертвых душ». Он был убежден, что первая часть поэмы показывает Русь лишь «с одного боку» и не исчерпывает всего ее многообразия. Ему кажется несправедливым изображение лишь отрицательных сторон современной России и представляется необходимым показать то, что есть в ней положительного, могущего оказать благотворное влияние даже на таких людей, как Манилов, Собакевич, Плюшкин, и способствовать их нравственному возрождению.

О своем замысле писатель намекнул уже в конце первой части «Мертвых душ», обещая в последующих частях поэмы показать некоего мужа, «одаренного божескими доблестями», или идеальную русскую девицу, «какой не сыскать нигде в мире». Иными словами, Гоголь был намерен доказать, что общественная среда, из которой вышли

Манилов, Плюшкин, Собакевич, — не однородна и вовсе не так уж безнадежно плоха, что из нее могут выйти и хорошие, полноценные люди,

Это намерение сильно встревожило Белинского. И он сразу же указал автору на серьезную опасность, которая его поджидает. «Много, слишком много обещано, — писал критик, — так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что того и нет еще на свете».

Гоголь, однако, не внял предостережениям Белинского. В духовном развитии писателя проявлялись все более и более опасные черты.

Живя в Италии, он начинает увлекаться церковными книгами, проникается религиозно-мистическими настроениями. В его письмах стал звучать высокомерный тон проповедника. Этот тон поощряли в Гоголе люди, с которыми он часто встречался в те годы за границей: Плетнев, Жуковский, Языков, Смирнова-Россет, княгиня Волконская. Находясь вдали от России и оторванный от родного народа, он оказался неспособным противодействовать тому влиянию, которое на него все сильнее оказывала реакция. «Бог знает, — писал с тревогой Чаадаев, — куда заведут его друзья». Около Гоголя не было людей, которые могли бы помочь ему разобраться в сложных вопросах современной действительности. В этих условиях сопротивление писателя тому систематическому отравлению, которому на протяжении многих лет он подвергался со стороны своих «друзей», стало ослабевать. И он все больше проникался религиозно-мистическими, реакционными настроениями.

В середине 1840-х годов стали уже отчетливо обнаруживаться признаки надвигающегося на Гоголя идейного кризиса. Его предвестниками явились фальшивые нотки христианского смирения, все чаще начавшие проскальзывать в письмах, а также выражение недовольства своими великими произведениями. В июле 1845 года Гоголь пишет А.О. Смирновой-Россет, что он не любит своих «сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно “Мертвых душ”».

В таком душевном состоянии Гоголь продолжал работать над вторым томом «Мертвых душ». Правда, иногда у Гоголя наступали минуты просветления, инстинкт художника брал в нем верх над проповедником. Гоголь начинал понимать тогда, сколь внутренне ложным и фальшивым является замысел его книги. Быть может, поэтому он в 1845 году сжег рукопись второй части «Мертвых душ». Уничтожив написанное, Гоголь вновь принимался за работу.

Наиболее сильным выражением кризиса писателя явилась его реакционная книга «Выбранные места из переписки с друзьями», появившаяся в начале 1847 года и с негодованием встреченная всей передовой Россией.

Гениальный художник, со страшной силой сотрясавший основы крепостнического строя, предстал здесь в жалкой роли проповедника кнута, защитника самодержавия и религиозного мракобесия.

Книга Гоголя вызвала всеобщее возбуждение и самые различные оценки в общественных кругах. Ее приветствовали лишь отпетые мракобесы. Булгаринская «Северная пчела» злорадно подсмеивалась над Гоголем за «позднее раскаяние».

Страшной болью отозвалась эта книга в сердце Белинского. «Выбранные места» усиливали лагерь реакции. Гнев Белинского был тем больший, что на этой книге стояло имя самого любимого его писателя, заслуги которого перед народом он так высоко ценил. Едва сдерживая клокодавший гнев, он откликнулся на нее большой статьей, появившейся в февральском номере журнала «Современник» за 1847 год. Критик сурово осудил Гоголя за его «странную» книгу, в которой великий обличитель уступил место «смирненно-мудрому советодателю». Он высмеял проповеднический тон писателя, вскрыл реакционный смысл его рассуждений о вреде просвещения для крестьян, о том, как надлежит помещику обращаться с крепостными, и т. д.

Но в подцензурных условиях Белинский не мог всего сказать, он должен был ограничиваться намеками, обрывать себя на полуслове. К тому же статья оказалась искалеченной цензурой, вымаравшей из нее целую треть. «Статья о гнусной книге Гоголя, – жаловался он Боткину, – могла бы выйти замечательно хорошо, если бы я в ней мог, зажмурился глазами, отдаться моему негодованию и бешенству».

Лишь несколько месяцев спустя, за границей, куда он уехал лечиться, Белинский ответил Гоголю в знаменитом своем письме. Не стесняемый цензурой, он подверг беспощадной критике реакционные идеи книги Гоголя. С потрясающей силой революционного темперамента Белинский раскрыл в «Письме» свои взгляды на важнейшие вопросы современности: крепостное право и самодержавие, церковь и религию, исторические судьбы русского народа и его культуры. Белинский нарисовал картину трагического положения дел в России, представляющей собой «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек». Он дает беспощадную характеристику господствующему режиму, который представляет собой не что иное, как «корпорации разных служебных воров и грабителей». Вот почему, говорит он, «самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». Решение этих первоочередных задач должно, по мысли Белинского, содействовать борьбе за успешное осуществление программы революционно-демократического преобразования России.

Белинский наглядно показал, что духовный крах Гоголя закономерно обусловил катастрофу великого художника: «когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант». Еще в начале 1840-х годов критик сформулировал свои «понятия» о русской литературе, как о самой «содержательной», самой «общественной» литературе мира. В «Письме к Гоголю» он снова возвращается к этому вопросу. Отсутствие элементарных демократических свобод в николаевской России приводило к тому, что литература была единственной ареной общественной деятельности. «Только в одной литературе, – пишет Белинский, – несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед». Поэтому народ, по словам критика, справедливо видит в русских писателях своих единственных вождей и защитников. Белинский указывает на громадный нравственный авторитет русского писателя. Он говорит о том, сколь почитаемо в народе «титло поэта», которое так уронил Гоголь своей последней книгой.

В «Письме» Белинский не отрекся ни от своих прежних статей о Гоголе, ни от своей любви к его художественным произведениям. Напротив, оно проникнуто чувством великого уважения к писателю, который содействовал развитию общественного самосознания России, проникнуто верой в Гоголя, в его способность осознать допущенную ошибку и исправить ее. Письмо недаром кончалось призывом к писателю искупить свой «тяжкий грех» новыми творениями, которые напомнили бы его прежние.

«Письмо к Гоголю» явилось программным документом русской революционной демократии и стало, по выражению Герцена, политическим завещанием Белинского. Оно вошло в историю как одно из самых пламенных произведений русской революционной мысли XIX века.

В.И. Ленин назвал это «Письмо» итогом деятельности Белинского и «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

«Письмо» Белинского не могло быть напечатано в России на протяжении многих десятилетий. Но, распространяясь в рукописных списках, оно очень скоро получило громадную популярность и сыграло великую роль в истории русского освободительного движения.

На материале творчества Гоголя Белинский поставил вопрос о значении передового мировоззрения для писателя, о великой исторической миссии русской литературы в освободительном движении. Эти идеи Белинского были позднее развиты и продолжены Чернышевским и Добролюбовым.

Письмо Белинского к Гоголю с огромной силой отразило политические настроения крестьянских масс России, их страстный протест против крепостного права и ненависть к своим вековым угнетателям. Накал социальных противоречий внутри страны в конце 1840-х годов, участвовавшие крестьянские волнения, нарастание революционных событий на Западе всполошили правительство Николая I. Оно усилило полицейский террор и цензурный гнет. Беспощадным карам подвергалось малейшее проявление свободной демократической мысли.

Подобными мерами правительство пыталось навести «порядок» в стране.

В мае 1848 года умер Белинский. Царские власти не успели привести в исполнение задуманный план расправы с ним: его хотели сгноить в Петропавловской крепости. Но были подвергнуты жестоким преследованиям приверженцы натуральной школы, писатели гоголевского направления, идеи Белинского. В печати запрещено было даже упоминать имя великого критика.